

Первая книга этого сборника, тоже именуемая литературно-художественным альманахом «Приамурье», появилась полвека назад, в 1951 году. Она сразу предоставила реальную возможность исследования неизвестных читателю пластов материальной и духовной жизни области, стимулировала творческий рост литераторов Приамурья, и прежде всего - ищущей молодежи. История литературно-художественных альманахов или сборников, как бы они ни назывались, - это художественная летопись истории нашего края. Не случайно на его страницах в разные годы публиковались произведения Г. Федосеева, А. Побожего, писателей, чье творчество было известно всей стране и чью эстафету с достоинством развивали амурские писатели Н. Фотьев и безвременно ушедший из жизни Б. Машук, а также ныне дерзающие писатели, поэты, художники и ученые нашего края.

ПРИАМУРЬЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

2000

АВТОБУС ПО МАРШРУТУ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Редактор-составитель альманаха - В.Г. Лецик, хорошо известный читателю своими искрящимися юмором рассказами и таежной повестью «Пара лапчатых унтов», уподобил настоящий альманах автобусу, а авторов - пассажирам самого разного возраста - от 11 до 90 лет, которые трясутся в этом автобусе и каждый из которых сойдет на своей остановке и встретит своего читателя. Себе же автор выбрал место кондуктора. Здесь тряска посильнее, и именно она выколачивает из автора два стихотворения, говоря авторскими словами - «...две точки зрения на ценность и высоту творчества - из миллиарда возможных». Приведу две строфы из второго стихотворения В. Лецика. Мне они понравились. В них естественность, в какой-то мере спонтанность, и все это в брызжащем юмором раскрепощенном потоке сознания:

*«Лета к суровой рифме клонят
И говорят: она сильней
Тебя, надутый дуралей.
Ты окрылен: блеснула цель!
Вот он, шедевр, - и дверь открыта!
Но рифма рявкнула, как зверь:»*

*Куда? То для титанов дверь!
Ты что - рифмуешь «дверь» и «цель»?
Так вот и лезь не в дверь, а в щель
Для тараканов. Пшел отсель...»*

Но отсель, т.е. из этого творческого автобуса, мы с тобой, дорогой читатель, не уйдем, пока не познакомимся с его пассажирами. Да, впрочем, и они нас не отпустят. А среди них - «ба, знакомые все лица».

В автобусе 26 мест. На месте кондуктора, хитро улыбаясь в слегка поседевшую бороду, трясется Лецик. Опять, вероятно, что-то затевает.

На третьем месте задумчиво смотрит в окно Галина Беляничева. Да, ей есть о чем задуматься. Ее повесть «Дневник хромоножки» даже по названию отдает детективом. Хотя детективного, в духе А. Кристи, в ней ни грама. Квинтэссенцией ее повести является «память» о тех годах, когда «прогресс» выманивает людей из многоквартирных домов в индивидуальные особняки, похожие на прежние купеческие, но напичканные современными удобствами». И когда, позволите еще цитату из повести, «старый быт... запрессовался в

исторический и культурный пласт, мало кому интересный...»
Интерес к этому быту через столкновение поколений, человеческих страстей и воскрешает автор.

Двор, который учит постоять за себя, который сам по себе «...ни в чем не виноват, но который сегодня, как, впрочем, и всегда, оказывает сильнейшее влияние на формирование нравственного облика подрастающего поколения, - вот, пожалуй, одна из давно забытых и, к счастью, воскрешенных автором тем. Замечу, что одну из подруг героини - Юльку, для которой чувства «...для убогих...», которая только в любовь верует и в деньги, охраняют для «надобности». Как это, спросите вы? На этот вопрос неожиданно отвечает пассажир с десятого места - старейший и, я бы сказал, заслуженный литератор Приамурья Н.И. Фотьев. Он, вероятно, интуитивно решил дополнить мои впечатления о повести Беляничевой своей новой басней «Вопрос и ответ». Приведу выборочно строки из басни.

*- «Зачем, не приложу ума, Барбосу надобна охрана...
- Когда б Барбоска был не плут и вор,
И совесть у него была б чиста,
Так не дрожал бы он за шкуру постоянно
И не нужна была б охрана...»*

Но это басня. Н.И. Фотьев в этом альманахе поразил меня, да, думаю, и многих почитателей его таланта, своими лирическими откровениями, в которых глубокое философское осмысление основ и смысла бытия органически слилось с четко продуманной, эстетически выверенной буквой русского языка.

*«Не счастье ушедших на тот свет
В течение многих тысяч лет».*

Как просто, мудро, просто как истина. А я ведь до этого этого не читал. А его стихи, вчитайтесь в них:

*«Порой в памяти встает
Полузабытый эпизод.
И сердце вздрогнет, заскучает.
О чем - не приложить ума.
Наверное, было там начало
Чего-то важного весьма.
Ответа нет. А память зыбка,
И остается лишь гадать,
Что было: глупость, грех, ошибка,
Утрата некая? Как знать...»*

Автобус шел. Трясло. Неожиданно два пассажира решили поменяться местами. Нет, кажется, другое. Они решили сесть вместе. Это С. Борзунова с четвертого и О. Маслов с шестого места. Запахло интригой. А может быть, ответ на взаимное решение содержится в области их поэтических интересов. Посмотрим.

Со Светланой Борзуновой, кажется, все ясно, все на поверхности. Об этом говорят стихи: «Друг к другу жмемся в поисках тепла. Разбито сердце и душа на части. Я так тебя любила...» Гм, гм. Читатель заинтригован. Но не подумайте, ради бога, дурного, это не имеет никакого отношения к поэту Маслову, это, ежели хотите, метафора, образ. Да и Маслов - это совсем иное. Ему, судя по стихам, чужды человеческие страсти. Вдумайтесь в следующие строки:

*Не знаю, хорошо ли, плохо,
Но не в мечтах, а наяву
Я вот уж пятую эпоху
Родной историей живу.*

Историей, слава богу, а не географией. Правда, в иной истории можно так подзалететь (вспомним Фонвизина). Но история по-Маслову - это:

*Бастуют летчики, шахтеры,
Зарплату требуют врачи,
В закон легальный входят вору
И рэкетеры, и врачи.*

Надеюсь, дорогой читатель извинит мою вынужденную иронию. Да, я утрирую, ерничаю. Мне не хватает языковых нюансов, чтобы ярко подчеркнуть эстетические особенности талантливых амурских поэтов. Я их лучше процитирую:

*О. Маслов:
«Когда любимая ушла,*

*Как ни горька была утрата,
Я не молил ее возврата
И не хотел ей в жизни зла».*

С. Борзунова:

*«Весны последнюю метель
Я воплощала в акварель,
Любви своей приметую.
Потом и лето отцвело,
И жизнь прошла, и все прошло,
Да и полно, было ль это?
Упало яблоко в траву.
Я умерла, а все живу.
И все что было - было.
И всякий август, всякий март
Поет в душе моей азарт:
Люблю, люблю!.. Любила?»*

Читайте стихи С. Борзуновой - она поэтесса милостью божьей.

Автобус трясло. А я увидел у пожилой женщины на руках ребенка. В автобусе литературно-художественного альманаха? Но это факт - Женя Бутова из Михайловки. Да-да, та, чья первая книжка «Неизвестная птица» при содействии директора школы В.А. Каюмова и с помощью издательства «Зоря» вышла в свет в нынешнем году. Я поздравляю Женю. Ее стихи, лучезарные, исполненные детского восторга перед многогранностью открывающегося мира, и в то же время очень серьезные размышления о своем предназначении, о памяти поколений.

*«Опять весна на белом свете» -
Поем мы песню раз в году
И вспоминаем о Победе,
Когда цветет у нас в саду.
Храню медаль я «За отвагу»,
Что дед мой получил в бою.
Он честно выполнил присягу,
Отчизну защитив свою...»*

А женщина, у которой сидела на коленях одиннадцатилетняя Женя, не кто иной, как Л. Антонова, чью историко-революционную повесть «Заслон» мы читали в юности. Но, как поется, «не стареют душой ветераны». А доказательство тому - ее стихи:

*«Я на память сохранила
Только нежную улыбку,
Белый шарф, сквозной, как пена,
С ароматом орхидей.
Остальное все забыто,
Далеко, надежно скрыто
От себя и от людей...»*

Автобус мчит дальше. Его все более трясет на ухабах. Может быть, водитель попался неважный? Нет, что вы. И. Игнатенко человек опытный, он вместе с кондуктором столько изъездил, чтобы что-то найти.

Но мне пора сходить. А многих пассажиров я не успел представить читателю. Среди них немало молодежи. Назову О. Гаросу, дебютирующего в альманахе с рассказом «Моно и Каролина». Не хочу ничего сказать плохого о рассказе, но упрек редактору альманаха у меня на языке. Надо бы было поработать с автором, чтобы отмести всю языковую пошлость открыто развязного тона. Все эти - падло, мудило, соси... Набор этих элементов - дань моде, но моде пошлой. Эта мода пройдет вместе с пошлостью времени. И опять же останутся Шекспир, Пушкин, Толстой, Гете. Надо учиться, но не у Алешковского. Учиться у классиков, а впрочем, учиться у живых ныне амурских поэтов - той же Борзуновой, Маслова, учиться у Завальнюка. Не хамите, ребята, это все в прошлом.

Литературно-художественный альманах «Приамурье» приближается к своему читателю. Мне в заключение хотелось бы присоединиться к мнению редакционной коллегии, напомнившей читателю, что 22-м номером он завершил 20-й век и 2-е тысячелетие. И... остается на третье. Дерзайте!

Н. НЕДЕЛЬСКИЙ,
профессор АМГУ.